

О СИНТАГМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ЗНАЧЕНИЙ

А. Г У Д А В И Ч Ю С

Два аспекта лингвистического исследования — синтагматический и парадигматический — соответствуют двум типам отношений между языковыми единицами: отношениям линейного характера, существующим между единицами в процессе речи — в тексте, и отношениям вертикального характера, реальное существование которых предполагается в индивидуальном сознании носителя языка. Различение синтагматического и парадигматического аспектов в описании элементов языка является общепризнанным. Отношение же между этими аспектами представляет сложную проблему, которая по-разному решается в современном языкознании. В области лексико-семантической системы языка большинство советских лингвистов говорят о необходимости единства синтагматического и парадигматического подходов. Однако фактически как в теоретической семасиологии, так и в практике изучения лексико-семантических систем и подсистем на первом месте оказывается парадигматический анализ. Напр., к настоящему времени следует считать хорошо разработанными основные проблемы парадигматического плана — понятия значения, семантической структуры слова, семантического поля, системы и др., в то время как в области лексической синтагматики (комбинаторной семантики, или семасиологии) много еще неясного.

В синтагматическом подходе к анализу значения нам видится не только возможность выяснения природы самой сочетаемости, но и критерий истинности при определении парадигматических характеристик единиц лексико-семантической системы языка. Синтагматический анализ рассматривается нами не просто как один из путей изучения лексико-семантической системы, а как основа других возможных методов и приемов семантического анализа, обусловленная законами функционирования системы языка.

Парадигматические отношения характеризуют систему языка. Парадигматика недоступна для непосредственного наблюдения, так как язык в определенном смысле является абстракцией. О реальности языка можно говорить только по отношению к индивидуальному сознанию человека как о его способности выбирать элементы языковой

системы, хранящиеся в памяти, и сочетать их в акте речи. Реально воспринимаемой является только р е ч ь. Следовательно, в отличие от парадигматических отношений, синтагматические отношения оказываются единственно реальным и доступным для наблюдения объектом. Таким образом, строить парадигмы мы можем только на основании анализа текстов. А priori можно сделать вывод, что путь изучения языка – от синтагматики к парадигматике. Только на основании анализа поведения единиц языка в тексте мы можем построить систему языка, точнее – аналог системы, существующей в сознании говорящих. Л. В. Щерба писал: „...все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания...” [Щерба, 1960, с. 302–303]. Такой подход к лингвистическому анализу соответствует самому общему принципу научного познания сущности через ее проявления.

Синтагматические отношения лексической единицы следует рассматривать как существенную часть ее плана выражения. И. Немец категорически утверждает, что „наиболее значительные результаты лексического анализа достигнуты в тех работах, в которых понятие формальной стороны лексического знака расширено до синтактики, т. е. в которых формально-содержательные классификационные признаки лексических единиц устанавливаются на основании их сочетаемости с другими знаковыми единицами” [Немец, 1980, р. 50]. В этом смысле синтагматика выступает как план выражения языка, в то время как парадигматика (содержание единиц и отношения между ними) относится целиком к плану содержания. Элементы парадигматики – структура лексического значения, семантическая структура слова, различные по близости объединения значений (от синонимов до семантических полей), – все это так или иначе реализуется или актуализируется (может быть реализовано/актуализировано) в тексте, т. е. отражается в синтагматике. Следовательно, отношение между парадигматикой и синтагматикой может быть включено в глобальное отношение между планом содержания и планом выражения языка. Соответствие же плана содержания плану выражения в языке – закон такого же порядка, как и соответствие между содержанием и формой вообще.

Отрицание соответствия плана содержания плану выражения, по мнению Н. З. Котеловой, вытекает только из предельно узкого понимания языковой формы, когда не учитываются все ее разнообразные проявления [Котелова, 1975, с. 159]. Очевидно, в данном случае сказывается и влияние идущего от С. Карцевского учения об асимметрии языкового знака. Следует подчеркнуть, что понятие асимметрии применимо к языковому знаку только в системе – в парадигматике, в речи – в синтаг-

матике — можно говорить исключительно о симметричности двух сторон языкового знака. Абсолютно верны утверждения, что „к живой речи не применимы такие понятия, как омонимы, синонимы, многозначность слова и т. д.: в конкретном речевом акте каждое слово имеет вполне определенное значение” [Общее языкознание, 1970, с. 92], что „суждения об асимметрии этих планов (плана выражения и плана содержания. — А. Г.) вступают в противоречие с определяющим свойством любой знаковой системы, связывающей обозначаемое с обозначающим” [Котелова, 1977, с. 7]. На уровне речи асимметрия противоречила бы самой возможности акта коммуникации. Ведь, если отвлечься от некоторых неязыковых средств в акте коммуникации — жестов, мимики, движений и т. п., которые, в конце концов, играют только вспомогательную роль, совершенно очевидным является факт, что любые значения, пусть даже самые незначительные нюансы смысла передаются при помощи определенных материальных средств; разницу между значениями мы определяем по каким-то признакам формы, служащей для выражения этих значений. Случаи непонимания или неоднозначного понимания некоторых текстов обусловлены или помехами в канале связи, или дефектами текста (недостаточный контекст), или же специальными заданиями сообщения (шутки, каламбуры и т. п.). Контексты, в которых возможна одновременная реализация двух или более значений, не являются естественными произведениями речи, они сконструированы специально. В нормальной языковой коммуникации отношение между формой и содержанием всегда 1:1. Единицы лексико-семантического уровня, реально выступающие в речи, — семемы — симметричные языковые знаки.

Сказанное неизбежно ведет к следующему выводу: поскольку между планом выражения и планом содержания имеется отношение соответствия, а наблюдаемой реальной стороной языковой деятельности является только речь с выраженными синтагматическими отношениями между языковыми единицами, то в основе изучения языковых систем и подсистем (и в частности лексико-семантической системы) должен лежать синтагматический анализ.

Значение изучения связей слов в высказывании лингвисты подчеркивали уже давно. Ш. Балли отмечал: „...важнейшим же фактором, определяющим значение лексической единицы, является контекст: именно он дает наиболее многочисленные и наиболее достоверные данные” [Балли, 1961, с. 119]. В последние десятилетия внимание к синтагматике явно усилилось. Решаются вопросы функционирования значений в речи, сочетаемости, отражения парадигматики в синтаксисе [Гак, 1972, с. 367]; в описании сочетаемости слов учитываются не только формальные (синтаксические), но и семантические свойства сочетающихся слов [Котелова, 1975, с. 93–94], рассматривается комбинаторика лексиче-

ских значений в словосочетаниях [Никитин, 1983], анализ близости и расхождений в сочетаемости (в спектре сочетаемости) эквивалентных лексических единиц двух языков рассматривается как один из возможных методов сопоставительной семасиологии [Suprun, 1975, p. 467]. На соответствии синтагматических и парадигматических характеристик построена дистрибутивно-статистическая методика определения парадигматических связей лексических единиц [Шайкевич, 1976; Плотиников, 1979]. Некоторые расхождения между результатами синтагматического и парадигматического анализа, полученные Б. А. Плотиниковым [Плотиников, 1979, с. 65], свидетельствуют, по нашему мнению, не о несоответствии плана выражения плану содержания, а об объективной ограниченности метода, использованного при парадигматическом анализе.

Особенно показательным использование синтагматического анализа представляется нам в одной из основных сфер описания лексико-семантической системы языка — при определении содержания лексического значения. В качестве исходных при этом необходимо признать следующие положения:

1) форма семемы — это не только фонетическая оболочка (фонетическое слово), но и ее морфологическое варьирование, и, главное, совокупность связей семемы с окружающими семемами в тексте, т. е. синтагматические признаки семемы;

2) сочетаемость слов в тексте регулируется законом семантического согласования, имеющим универсальный характер, сущность которого заключается в том, что в сочетающихся семемах имеются общие семы; характер семантического согласования может варьироваться в значительных пределах, вплоть до намеренного рассогласования сочетающихся семем.

Опираясь на эти положения, можно сформулировать следующий рабочий метод определения состава сем в значении: если семема А свободно сочетается с семемами Б, В, Г..., то в значении семемы А имеется сема, которая является общей для семем Б, В, Г... Следовательно, основная задача заключается в извлечении общего знаменателя из значений слов, могущих занимать определенную позицию при исследуемом слове, и, разумеется, в достаточном подборе таких слов. Напр., слово *горячий* сочетается со словами *любовь, дружба, вера, благодарность, желание, одобрение, сочувствие, участие, чувство, слезы, стремление к добру, вера в счастье* и т. п., которые именуют положительные эмоции и эмоциональное отношение; следовательно, в данном значении семемы *горячий* можем констатировать наличие сем 'признак эмоционального состояния' и 'положительный'. При абсолютной сочетаемости, когда слово соединяется только с 1–2-мя словами, т. е. когда имеем полное семантическое согласование, всё значение свободного компонента входит в состав значения сочетающегося с ним слова. Напр., в значении

слова *навытяжку* есть все семы семемы *стоять* плюс 'прямо' и 'вытянув руки по швам'; в значении семемы слова *ущербный*, сочетающегося только с названием луны, полностью входит сема 'о луне' (в сочетании с семами 'в период ее убывания' и 'имеющей форму серпа')¹.

Очень часто слово имеет более широкую сочетаемость, но преимущественно сочетается только с узким кругом слов. В таком случае следует выделять факультативную сему, соответствующую наиболее обычному употреблению слова. Напр., в значении слова *каштановый* отмечаем факультативную сему 'о волосах', так как преимущественно это слово сочетается с наименованиями волос (*каштановые волосы*, *каштановая борода*) и редко с другими словами. В словарных толкованиях факультативной семы отмечается пометами *обычно*, *преимущественно*, *чаще*.

Возможность определения семного значения по значениям сочетающихся слов отмечалась и раньше. Э. Косериу ввел понятие лексических солидарностей как выражение непосредственной связи между парадигматикой и синтагматикой [Косериу, 1969]. Согласно Э. Косериу, семы, выделяемые в дистрибуции значения, являются и семами самого значения; напр., в значении *fahren* есть сема 'средство транспорта', так как это слово сочетается с названиями средств транспорта – *Schiff, Zug, Wagen, Boot, Bus* и т. д. (ср. также: [Плотников, 1979, с. 21–22]).

Определить семный состав значения можно не только по преимущественной сочетаемости семемы, но также и по невозможности ее сочетания с определенной группой слов. Можно сформулировать второе правило: если семема А не может сочетаться с семемами Б, В, Г..., в значениях которых явно имеется определенная сема, то это свидетельствует о том, что в значении семемы А имеется сема с противоположным, взаимоисключающим содержанием. Напр., семема *всматриваться* не может сочетаться с наречиями *случайно*, *невнимательно*, *нечаянно*, *рассеянно*, в значениях которых явно имеется сема 'отсутствие или слабая степень внимания', следовательно, в значении семемы *всматриваться* можем выделить взаимоисключающую сему 'интенсивность внимания', что подтверждается частой сочетаемостью этой семемы с наречиями *внимательно*, *сосредоточенно*, *напряженно* и т. п.

Определение семного состава значения по невозможности сочетания семемы с другими семемами ограничено тем, что только для некоторых сем возможны противоположные (антонимичные) семы. Так, при определении содержания семемы *мычать* мало помогает то, что эта семема не сочетается с семемой *конь*, так как нет антонима для семемы *конь*,

---

¹ Здесь, как и для слова *горячий*, не учитываются другие типы сочетаемости, сигнализирующие о других семемах анализируемых слов (напр., сочетаемость слова *ущербный* со словами *талант*, *красота*, *развитие...*, где реализуется семема 'находящийся в состоянии упадка, неполноценный').

следовательно, нет и полярной семы. Тем не менее во многих работах встречаем применение правила несочетаемости; напр., таким образом получены следующие выводы: в переносном значении слово *облако* образует сочетания *облако задумчивости, облако недоумения, облако грусти* и не может сочетаться с существительными *смех, радость, удовольствие, доверие*, что сигнализирует о наличии в этом значении семы 'проявление только мрачного, удручающего чувства', а не 'проявление какого-либо настроения, состояния вообще' [Котелова, 1975, с. 77]; глаголы *шествовать, выступать* не могут сочетаться с наречиями *неуверенно, робко, боязливо, вразвалку, согнувшись, быстро, поспешно*, что свидетельствует о наличии в них сем 'торжественно, важно, неторопливо' [Розанова, 1972, с. 76]. Критерий возможности/невозможности сочетания слов друг с другом используется и в области определения содержания грамматических значений [Бондарко, 1971, с. 12–15].

Существуют разные методики определения семного состава значения, которые можно было бы назвать парадигматическими. Думается, однако, что во многих случаях парадигматического анализа синонимы, имплицитно присутствует и даже предшествует парадигматическому синтагматический анализ. Напр., широко распространен метод определения содержания значения по его противопоставлениям другим значениям, когда наличие семы устанавливается по „семантическому остатку”. Не решает ли здесь в конечном счете знание нами типичных сочетаемостей противопоставляемых значений? Если, напр., противопоставляя семемы *ржать* и *мычать*, делаем вывод о наличии семы 'о лошади' в *ржать* и 'о корове' в *мычать*, то скорее всего потому, что нам это подсказывает самоочевидность сочетаемости *ржать* с субъектом – наименованием лошади, а *мычать* – с субъектом – наименованием коровы. Иными словами, вывод о наличии семы в значении мы делаем на основании знания языка, а знание языка – это прежде всего знание правил употребления семем, т. е. знание синтагматики.

Синтагматический анализ является исходной точкой при составлении толковых словарей. Хотя в толковых словарях критерии определения содержания значений, как правило, строго не устанавливаются, известно, что эта работа основывается на анализе большого количества употреблений слова в реальных текстах. Лучшим доказательством этого служат богатые картотеки словарей. Наконец, каждый, кто имел дело с изучением значений, испытывал необходимость в реальных текстах, заключающих в себе реализацию интересующих его значений. Необходимость в текстуральном подтверждении гипотез исследователя по поводу релевантности той или иной семы в значении тем больше, чем глубже в периферии лексико-семантической системы находится значение, т. е. чем менее очевидна исследователю его обычная сочетаемость.

Фактически синтагматический анализ, наверное, всегда предшест-

ует парадигматическому, только не всегда непосредственно, не всегда осознанно и в явном виде. При более объективном подходе к языку как к явлению, стоящему вне самого исследователя, экспликация синтагматического анализа кажется весьма желательной. По мнению Э. М. Медниковой, „исследование отдельных конкретных „данных“ (data), наблюдаемых на синтагматическом уровне, дает материал для научных обобщений, позволяет ставить вопрос об абстрактных ненаблюдаемых „фактах“ (facts) парадигматического уровня, знание которых, в свою очередь, помогает глубже проникнуть в конкретные языковые явления” [Медникова, 1974, с. 105]. Достоверность результатов исследования плана содержания через план выражения Б. А. Плотников видит в том, что сто – „способ, поддающийся воспроизведению и проверке, позволяющий классифицировать многие семангические явления так же строго, как и языковые формы” [Плотников, 1984, с. 10].

Не надо думать, что синтагматический анализ может решить все сложные проблемы лексической семантики. В области определения содержания значения ограниченность синтагматического подхода обуславливается некоторыми объективными причинами. Прежде всего эффективность определения семного состава значения зависит от характера самого значения, который в свою очередь обусловлен характером отображаемого элемента действительности. Между характером лексического значения и силой семангического согласования имеется корреляция: более абстрактные значения образуют сочетания с большей силой семангического согласования, а более конкретные значения имеют более свободную сочетаемость [Kubik, 1976, p. 67]. Поэтому семный анализ конкретной лексики представляет собой более сложную задачу. Сама семная структура слов типа *береза, дуб, липа* иногда ставится под сомнение [Шмелев, 1973, с. 150, 153]. Следует только отметить, что при выделении сем в значениях слов конкретной лексики методом оппозиций существует большая опасность получить не семы значения, а такие признаки соответствующих понятий о предметах, которые нельзя признать входящими в структуру значения; при синтагматическом анализе такая опасность намного меньше.

Вторая сложность в синтагматическом анализе появляется вследствие вероятностного характера сочетаемости: „Норма сочетаемости в естественном языке существует как подвижное правило, возникающее из усреднений знаний о мире и опыта языковой деятельности, она находится в постоянном движении и подвергается постоянным сдвигам” [Никитин, 1983, с. 95]. Неустойчивость, нестрогость лексической сочетаемости подчеркивается многими [Шмелев, 1964, с. 202; Щерба, 1960, с. 48; Schirpan, 1972, p. 84], ее вероятностный характер доказан экспериментально [Копыленко, 1973]. В вероятностном характере сочетае-

мости отражается некоторая неопределенность границ лексических единиц (диффузность) в парадигматике.

С точки зрения механизма связи вероятностный характер сочетаемости не может быть противопоставлен так называемой лексической сочетаемости, когда, как утверждается, совокупность слов, сочетающихся с определенной лексической единицей, может быть задана ограниченным списком, причем несущественно, имеются ли общие семантические признаки у сочетающихся слов или их нет [Апресян, 1969, с. 81]. Различаемые некоторыми лингвистами семантическая и лексическая сочетаемости, по нашему мнению, представляют собой не принципиально разные типы сочетаемости, а только иллюстрацию неодинакового характера и силы семантического согласования. Полностью присоединяемся к мнению Н. Ю. Шведовой, которая пишет, что „избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами „избирающего“ слова, и эти качества нужно искать в сфере значения” [Шведова 1970, с. 41]. Следует, однако, отметить, что не всегда легко найти объяснение некоторых сочетаемостных явлений, особенно запретов на сочетаемость (напр., *приходить в недоумение, приходиться в умление*, но **приходить в задумчивость* при *впадать в задумчивость* и *приходиться/впадать в бешенство*). Очевидно, в таких случаях надо иметь в виду как определенную степень идиоматичности сочетаний, так и некоторую долю случайности в становлении сочетаемостных норм.

Несмотря на эти ограниченности синтагматического анализа, обусловленные характером содержания языковых единиц, представляется нам, что в изучении лексико-семантической системы языка синтагматический анализ оказывается первичным по отношению к парадигматическому и что в практике исследования, не говоря уже о лексикографии, явно или неявно предшествует парадигматическому. Только на фундаменте синтагматики можно построить надежное здание парадигматики.

ÜBER DIE SYNTAGMATISCHE KONZEPTION DER BEDEUTUNGSANALYSE

A. GUDA VIČIUS

Zusammenfassung

Die syntagmatische Analyse wird nicht nur als eine mögliche Forschungsmethode des lexikalisch-semantischen Systems, sondern auch als Grundlage der anderen Methoden und Verfahren der semantischen Analyse betrachtet, weil die syntagmatische Beziehungen ihre Realität im Text ausgeprägt haben und als solche einzige sind, die der Erforscher unmittelbar beobachten kann. Aus der Anerkennung prinzipieller Übereinstimmung von Ausdruck und Inhaltebene der Sprache folgt, dass den paradi-gmatischen Erforschungen und Beschreibungen der einzelnen Teilsysteme die syntagmatische Analyse zugrunde liegen muss. In Artikel gibt es einige Illustrationen der Verwendungsmöglichkeiten der syntagmatischen Analyse für die Bestimmung der Semstruktur der Sememe.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, 1969 – А п р е с я н Ю. Д. Синонимия и синонимы. – ВЯ, 1969, № 4.
Балли, 1961 – Б а л л и Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
Бондарко, 1971 – Б о н д а р к о А. В. Вид и время русского глагола. – М., 1971.
Гак, 1972 – Г а к В. Г. К проблеме семантической синтагматики. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971 /Отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1972.
Копыленко, 1973 – К о п ы л е н к о М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. – М., 1973.
Косерну, 1969 – К о с е р н у Э. Лексические солидарности. – В кн.: Вопросы учебной лексикологии и лексикографии. М., 1969.
Котелова, 1975 – К о т е л о в а Н. Э. Значение слова и его сочетаемость. – Л., 1975.
Котелова, 1977 – К о т е л о в а Н. Э. Лексическая сочетаемость слова в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1977.
Медникова, 1974 – М е д н и к о в а Э. М. Значение слова и методы его описания. – М., 1974.
Никитин, 1983 – Н и к и т и н М. В. Лексическое значение слова. – М., 1983.
Общее языкознание, 1970 – О б щ е е языкознание /Отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М., 1970.
Плотников, 1979 – П л о т н и к о в Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. – Минск, 1979.
Плотников, 1984 – П л о т н и к о в Б. А. Основы семасиологии. – Минск, 1984.
Розанова, 1972 – Р о з а н о в а В. В. Синонимия глаголов движения в современном русском языке. – В кн.: Синонимы русского языка и их особенности /Отв. ред. А. П. Евгеньева. Л., 1972.
Шайкевич, 1976 – Ш а й к е в и ч А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований /Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1976.
Шведова, 1970 – Ш в е д о в а Н. Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна „Синонимия и синонимы“. – ВЯ, 1970, № 3.
Шмелев, 1964 – Ш м е л е в Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.
Шмелев, 1973 – Ш м е л е в Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.
Щерба, 1960 – Щ е р б а Л. В. Отренок аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. 2.
Kubik, 1976 – K u b i k М. К problematice syntaktické a lexikální spojitelnosti sloves. – Československá rusistika, 1976, t. 23, Nr. 2.
Němec, 1980 – N ě m e c I. Rekonstrukce lexikálního vývoje. – Praha, 1980.
Suprun, 1975 – S u p r u n А. Е. О фронтативных баданіях семантики лексикалней. – Ін: Sprawozdania z posiedzień komisji naukowych, t. 18/2, W-wa – Kraków, 1975.
Schirpan, 1972 – S c h i r p a n Т. Einführung in die Semasiologie. – Leipzig, 1972.

Язуляйский педагогический институт им. К. Преякшаса

Декабрь, 1985

Кафедра современного русского языка